

ВЛАДИМИР КАЗМИН

ФАШИСТ

РАССКАЗ

Безмолвные глазницы разбитых окон зияли пустотой брошенных жилищ. Оборванные и обгоревшие занавески развевались на сквозняке в некогда благополучном многоэтажном доме. Они, словно белые флаги, кружевным тюлем свисали над искромсанными осколками снарядов стенами. Это был мой дом...

Рядом стояли такие же раненные бетонные исполины. Осеннее солнышко играло, переливалось в битом стекле, под ногами шуршала мелодия недавних обстрелов. Тишина утреннего города вместе с этим битым стеклом режуще ворвалась в моё сердце и душу. Во дворе на лавочке сидел седой как лунь человек. Его белая, словно у отшельника-монаха, борода вздрагивала, и казалось, что он рыдает. Я подошёл ближе и с удивлением обнаружил, что старик читает вслух с экрана ноутбука последние новости из интернета. И был это вовсе не старик, а мой сосед, инвалид-чернобылец, Влад. Я поздоровался, а он, не отрываясь от экрана, буркнул слова приветствия и продолжал читать:

— В течение вчерашнего дня обстановка оставалась напряжённой.

Украинские фашисты продолжают игнорировать достигнутые договорённости и обстреливают населённые пункты Донецкой и Луганской народных республик. Зафиксировано неоднократное нарушение перемирия со стороны карателей:

КАЗМИН Владимир (Прокопенко Владимир Афанасьевич) родился в поселке Михайловка, на Луганщине. Работал в шахте. Воевал в Афганистане. Окончил Луганский государственный педагогический университет им. Т.Г. Шевченко и Высшие литературные курсы Литературного института им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова). Член Союза писателей России. Председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Лауреат Международной литературной премии им. Юрия Долгорукого и ряда других премий.

— в 08.20 из автоматических станковых гранатомётов карателями были обстреляны позиции армии Юго-Востока, расположенные в Никишино. В результате один ополченец получил ранение;

— с 09.00 до 13.00 периодическим огнём налётам из самоходных артиллерийских установок подвергалась южная окраина села Смелое. Разрушены два дома. Тяжело ранены два мирных жителя;

— в течение дня продолжались обстрелы жилых кварталов Донецка. С 12.00 до 15.20 с огневых позиций из населённых пунктов Пески, Опытное и Авдеевка с использованием ствольной артиллерии и реактивных систем залпового огня фашистами совершены налёты на жилые кварталы и промышленные объекты административного центра. В результате повреждены два дома, здание продуктового магазина, сгорело два автомобиля, принадлежащих мирным жителям. Потери среди мирного населения уточняются.

Трёхсторонняя рабочая группа из состава миссии ОБСЕ на Юго-Востоке Украины сегодня работала в Дебальцево. Основное внимание было уделено сбору, обобщению и анализу данных обстановки, а также фактов нарушения режима прекращения огня со стороны украинских фашистов.

Фашистами продолжается перегруппировка своих войск и наращивание сил и средств, привлечённых для участия в карательной операции на всех направлениях.

— Вот такие дела, дружище! — Влад отложил в сторону ноутбук и стал рассматривать меня с головы до ног, словно инопланетянина, и, поглаживая свою седую бороду, спросил:

— Откуда ты взялся, с неба, что ли, свалился?

— Приехал вот...

— А-а... Ну, что, видишь, какой беды натворили?

— Вижу. Все живы?

— Слава Богу, живы, отсиделись в подвале. Нынче полегче стало, меньше бахают в городе, всё больше по окраинам и в тех посёлках, где закрепились нацики. Недавно дали электричество и воду, а вот со связью проблема, бегаю по двору, ищу, где интернет возьмёт. Новости узнать. По телевизору брешут со всех сторон. Как ты?

— Что я? Как ты, рассказывай! Бороду отпустил, словно бабай какой, не узнать тебя, Влад.

— Много чего теперь не узнать, двор наш, видишь, тоже не узнать, воронки кругом. Стоянка вон сгорела, три машины в пепел. Беда...

Автостоянка с развороченным металлическим забором и обгоревшим, разбитым шифером крытых мест была практически пустой, только чёрные остовы нескольких машин сиротливо стояли посередине площадки. Я ещё раз осмотрелся вокруг, и снова защемило что-то внутри. Наш шумный, весёлый и всегда многолюдный двор теперь был чужим, угрюмым, и только рядом с отремонтированной лавочкой и наспех сколоченным столиком, за которым сидел Влад, к моему удивлению, зацвёл куст сирени, выпустив на Божий свет несколько белых веточек. Эти грозди не были похожи на весеннее благоухание, они, словно слёзы людского горя, вспыхнули в это осеннее утро в расстрелянном дворе. Невероятная картина сирени, цветущей на фоне обожжённого артиллерийским налётом двора, завораживала и напоминала о том, что жизнь на этой земле продолжается, что не всё здесь вокруг мертво и убито...

— Да, это просто Божье чудо. — Влад обратил внимание, что я с удивлением и восторгом рассматриваю раненный осколками куст сирени. — Я сам не поверил глазам, когда увидел, что сирень зацвела. Вот, видишь, рядом разорвалась мина и, наверное, в земле произошли какие-то термические изменения, поэтому распустились цветы. Хотя как знать?..

— Нет, Владик, это Божий знак, что вы здесь не одни живые души...

— Как знать...

Мы ещё долго сидели у цветущего военной болью куста сирени, говорили о друзьях-соседях, о последних месяцах гражданской бойни, о хрупком перемирии, о том, что ждёт всех нас в будущем, о житье-бытье, о погибших и искалеченных горожанах. О том, что произошло с людьми, которые недавно жили и работали вместе, а теперь взяли в руки оружие и убивают друг друга.

— А помнишь Серёгу Головку, что работал на шахте инженером, и его отпрыска Ваську? — спросил Влад.

— Как же, помню, конечно, его сынок скакал на майдане вместе с активистами “Правого сектора”, а потом, после референдума, исчез куда-то.

— Фашист, истинный фашист, и откуда он выродился такой? Зверствует, сволота, дошли слухи, что сейчас в батальоне “Айдар” вместе с наёмниками орудует в оккупированном городе Счастье. Казаков донских расстреливает, поговаривают, грабежами занимается, вот тебе и тихоня из хорошей семьи! Мир перевернулся, истинно говорю. Я с Сергеем Петровичем не один год проработал на шахте. В Чернобыле были вместе, штольно били под реактор в семьдесят шестом. Петрович — душа-человек, мухи никогда не обидел, и слова от него, несмотря на то, что начальник, грубого не слышал, а сынок — фашист! Во как!

Я хорошо знал Сергея Петровича Головку. Ещё ранней весной, до всех этих трагических событий, мы разговаривали с ним о том, что происходит на Украине, тогда, пожалуй, только ленивый не говорил, что в Киеве в результате государственного переворота к власти пришла хунта — это были не эмоции, все здравомыслящие люди понимали, к чему всё это может привести.

Мы тогда говорили, что двигательной силой, совершившей вооружённый государственный переворот в Киеве, стали откровенно неонацистские организации, главная из которых — “Правый сектор” во главе с претендующим на роль украинского фюрера Дмитрием Ярошем.

Сергей Петрович переживал за сына, рассказывал, что ещё прошлой осенью Вася бросил учёбу и всё это время участвовал в событиях на майдане.

— Звонит редко, — горевал Петрович. — Я-то понимаю, что рядом с “Правым сектором” стоят все остальные неонацистские военизированные организации. Кто в этой так называемой “Самообороне майдана”? Горько осознавать, что твой сын с теми, кто не стесняется использовать нацистскую и неонацистскую символику. Слава Богу, что мой батя, боевой офицер, ветеран Великой Отечественной, не дожил до этого позора. Если бы он увидел на плече внука татуировку фашистской свастики и кельтский крест, собственноручно придушил бы Ваську.

Всплыли наружу, как из гнойника, идеи украинских неонацистских организаций как ОУН, УПА, дивизия СС “Галичина”, и всё это воплощается в жизнь “Правым сектором” и “Самообороной майдана”. Но дело не только в них. Кто финансирует это мракобесие? Англосаксы вкладывают миллиарды в этот хаос, понятно, что всё направлено на создание враждебного государства, прежде всего, враждебного России. Этот гнойник нужен Западу! И к чему всё это приведёт? Только к войне!

Я также рассуждал, что политическое крыло неонацистов — партия “Свобода” — имеет в новом украинском нелегитимном правительстве почти половину портфельей, а её лидер Олег Тягнибок, как всем известно, входит в тройку лидеров “Евромайдана”. Однако и “Свободой” вопрос не ограничивается. Откровенно русофобский и крайне националистический характер носит деятельность и других членов киевской коалиции — “Батькивщины” и “Удара”. Эти партии также выступают с позиций силового подавления законных прав русского народа и русскоязычных граждан Украины, проводя принудительную их ассимиляцию и украинизацию, стремясь к созданию “национальной Церкви” и героизации бандеровских военных преступников. И это только начало!

Мы выкурили с Сергеем Петровичем не одну сигарету во время того разговора, проводя исторические параллели. Когда нацистов в Германии начала тридцатых годов прошлого века арестовывали за погромы и вооруженные нападения, геббельсовская пропаганда вопила о подавлении воли народа, но придя к власти, фашисты любую попытку публичного выражения недовольства определяли как действия “врагов германского народа”, против которых тотчас же возбуждались уголовные дела. Все это, один к одному, теперь происходит и на Украине. Мы видим, как амнистированы все, кто с оружием в руках захватывал административные здания, убивал сотрудников правопорядка, подвергал публичным пыткам представителей законной власти и журналистов.

Этот разговор с Сергеем Петровичем произошёл перед одесской трагедией 2 мая, когда весь мир всколыхнул фашистский пожар в Доме профсоюз, где были многочисленные жертвы. Но сейчас, когда Влад сказал, что “Васька — истинный фашист”, я пытался понять, как грамотный молодой человек мог встать на адов путь насилия, убийства и ненависти.

Вася был обычным малым...

Он родился 19 августа 1991 года. Папа, Сергей Петрович, говорил тогда: “Родился человек новой формации, символически родился в день “московского путча”, родился человек и жить ему в новом, грядущем двадцать первом веке долго и счастливо!”

Вася ходил в детский сад, потом в школу, жил в обычной, благополучной, интеллигентной семье. Папа был инженером на шахте, профессионалом своего дела, мама работала заведующей складом в магазине, родители ему желали всего самого лучшего в этой жизни и, как могли, старались обеспечить своему чаду светлое будущее. С самого раннего детства ему ни в чем не отказывали, оберегали сынишку от “тлетворного” дворового влияния. Когда пришло время поступать в институт, папа Сергей Петрович Головка заплатил одну тысячу двести долларов для того, чтобы его сын Вася учился в престижном столичном, киевском вузе.

И вот цветущий каштанами Крещатик обнял юнца. Вася Головка приехал в Киев, как говорится, грызть гранит науки, с этого времени и началась история создания “человека новой формации”.

Киевская профессура в духе “незалежной Украины” насаждала своим слушателям идеи исключительности украинской нации с её “великой историей”, а все трагедии прошлого списывались на “старшего брата”, на Россию. На первых курсах института студенческую среду захлестнула пропаганда государственной истерии по поводу голодомора тридцатых годов, который принято было считать геноцидом украинского народа, развязанным коммунистической Россией. Вася Головка, как прилежный студент, проникся темой и даже написал курсовую работу о голодоморе на Украине, но уже тогда его влекло к “вильним львовским хлопцам”, и на очередную археологическую студенческую практику он поехал не на раскопки античной Ольвии, а в полевые лагеря неонацистов Западной Украины. Его влекло к романтике факельных шествий, заимствованных у германских нацистов, а лозунги “Украина превыше всего”, “Слава нации — смерть врагам” всё явственней соответствовали душевным порывам молодого человека.

Но больше всего его привлекали разухабистые битвы футбольных фанатов, где практически всегда царила вседозволенность, где его привлекала безнаказанность лихих пацанов. Именно там, у стен стадиона “Динамо”, он впервые почувствовал вкус крови...

На старших курсах института Вася всё реже стал приезжать домой в Луганск. Мама, Светлана Герасимовна, беспокоилась за своего сынишку: как он там, в столице, не голодает ли? Каждый месяц посылала ему крупные переводы денег, порой даже втайне от отца, названивала ему на мобильный. Но Вася обрывал её на полуслове: “Мама, перестань, что мне делать в вашем *Лоханске*, успокойся, всё нормально...”

Сергею Петровичу с постоянными шахтёрскими проблемами было не до Василия, только однажды, когда он приехал в Киев, в Министерство угольной промышленности Украины, между отцом и сыном произошёл серьёзный разговор. Было это летом 2013 года.

Они сидели в уютном кафе на Крещатике, болтали по-житейски, и тут Сергей Петрович обратил внимание на татуировку на плече Василия — рисунок едва виднелся из-под лёгкой, просвечивающей футболки. На фоне фашистской свастики была изображена голова волка с оскаленными зубами. Сергей Петрович был потрясён.

— Вася, что за бред? Ты зачем наколот себе эту пакость?

— Папа, перестань, ты ничего не понимаешь. Свастика — это всего только приветствие, пожелание удачи, благоденствия. Это один из самых древних и широко распространённых графических символов, который ис-

пользовался многими народами мира, это символ движения, жизни, Солнца, света, благополучия.

— Что ты мелешь, сынок! Этот крест был нарисован на крыльях фашистских самолётов, которые бомбили наши города семьдесят лет назад! Этот крест красовался на броне гитлеровских танков, а твой дед, Пётр Васильевич Головка, не жалея собственной крови, расстреливал их из своей пушки на Курской дуге. А твой прадед, Василий Головка, в честь которого был ты, дорогой, назван в этой жизни, погиб в Испании, воюя с фашистами!

— Папа, перестань! Когда это было? Сейчас другие времена. И вообще, это моё дело, я не мальчик!

— Нет, не перестану, и это моё дело! Выведи эту дрянь со своего тела!

— Ладно, ладно, успокойся, давай сменим тему. Да, кстати, я скоро еду в Прибалтику, и мне не помешали бы деньги. Ты не можешь мне выделить долларов пятьсот?

— Зачем ты едешь?

— Я получил грант от одного международного благотворительного фонда. И на три месяца еду учиться в Вильнюс, осваивать сетевой менеджмент в сфере информационных интернет-технологий.

— А как же институт?

— С институтом я разберусь сам, не волнуйся. Папа, мне на первое время нужны деньги, это очень перспективное направление, поэтому если можешь, помоги.

Сергей Петрович не знал тогда, что это была их последняя встреча, что в считанные месяцы конца 2013-го — начала 2014 года жизнь в стране, да и во всём мире, перевернётся, да и никто не знал тогда, всего лишь год назад, что на Украину придёт война.

Сергей Петрович поменял часть своей зарплаты и командировочные гривны на доллары и вручил их сыну.

— Свастику выведи, я в тебя верю, сынок, прощай!

— Пока, батя, не переживай, всё будет нормально, мы победим...

Сергей Петрович с тяжёлым сердцем уехал в Луганск и снова окунулся в работу. От сердца вроде немного отлегло, но в душе боль за сына не унималась. Он не знал тогда, что его Вася в Прибалтике осваивал не мирную перспективную профессию, а тренировался в военном лагере “Правого сектора”, осваивая новую профессию — убивать...

Потом были события декабря, когда в центре Киева, словно по мановению волшебной палочки, выросли баррикады протестующей молодёжи. Требование немедленной интеграции в Европу стало главным козырем в руках манипуляторов майдана, которые всё больше завладевали сознанием толпы, разжигая ненависть. Невидимая рука направляла этот спланированный бунт, а попустительство власти Януковича привело к невысказанному хаосу: власть шарахалась из одной крайности в другую, её бездарная политика привела к массовым беспорядкам. После того как был брошен у новгородней ёлки главный аргумент этой спланированной акции: “Детей бьют!” — майданный процесс стал неуправляемым. Запылали крыши и административные здания, на головы защитников правопорядка посыпались булыжники и бутылки с зажигательной смесью.

Вася Головка всё это время был в центре событий. После осенних сборов в Прибалтике он был подготовленным штурмовиком и в физическом, и в идеологическом плане. Окутавшись чёрно-красным флагом “Правого сектора”, он стал одним из самых активных боевиков. Майдан вооружался, и в руках фашиствующих молодчиков, помимо арматуры, цепей, камней, бит и бутылок с “коктейлем Молотова”, появилось огнестрельное оружие. Полилась кровь...

Вася Головка выжил той ночью под пулями снайперов, которые били без разбора и в ту, и другую сторону. Его только слегка зацепило, ранив в руку, но теперь и он стал одним из героев майдана. Вот оно — единение страны на крови!

Кровавый, грязный февральский снежный ком покатился по всей стране. К власти пришла хунта во главе с Турчиновым, Яценюком, Тягнибоком,

Парубием, Ярошем... Зачистка информационного и оппозиционного поля, репрессии в отношении оппонентов, нагнетание в стране националистического психоза, тотальное навязывание позиции майдановцев как единственно народной стало характернейшими чертами нового режима. И всё это оправдывалось пропагандистским лозунгом: “Не предадим Небесной сотни!” Украину пронзило фашистским крестом с Запада на Восток и с Севера на Юг, фашизм нестерпимо больно уколол Крым. И полуостров, словно величественный корабль, отчалил от враждебных берегов и двинулся домой, к родным берегам России. Всколыхнулся возмущённый беспределом киевской власти русский Юго-Восток. Это было началом гражданской войны...

Воспоминания одолевали меня в холодной пустой квартире, глядящей во двор разбитыми окнами. Я всматривался в темноту ночного города, пытаясь обнаружить хоть какие-то признаки жизни. Там, за моим балконом, ещё несколько месяцев назад даже ночью не утихал, сияя тысячами огней, город-труженик, а теперь я с душевной болью и грустью всматривался в толщу давящей всё живое тьмы. Изредка одинокие фары ночного такси крадучись прокалывали лучами света пустынные улицы, а с северной стороны Луганска вспыхивали зарницы глухих разрывов. Перемирие...

Только под утро я уснул под какофонию лая голодных бездомных собак, что тревожным, звонким эхом носилась над домами обезлюдевшего квартала.

Проснулся я с тяжёлой головой, когда солнце уже было высоко. Вспоминая вчерашний день, пришёл к удивительному выводу: какое огромное количество событий может поместиться в коротком промежутке времени, сконцентрироваться, соединиться в единый клубок жизненных трагедий, переживаний, духовных и сердечных движений, отчаяния, надежды, веры, безрассудной ненависти и любви, радости встреч и горечи расставаний, тяжести разлук, и всё это — в одном кровавом дне войны.

Я вышел во двор и снова увидел Влада, как и вчера, сидящего за столиком у куста сирени, только белый цвет лепестков стал коричневым, кисти пожухли, осенняя хмурая и холодная ночь вернула взбунтовавшееся растение в реальность.

— Смотри, сосед, что я вычитал в интернете, — сказал Влад, поглаживая седую бороду:

“В мифологии нацизма важнейшее место занимало построение государства арийской расы, государства единой германской нации. Нацисты подчёркивали, что представляют себя в качестве последнего рубежа — спасителей европейской цивилизации от орд, идущих с Востока, от азиатской тьмы. Мифология нынешней киевской хунты включает в себя построение государства украинской нации, украинскому языку придаётся сакральное значение, его насаждение и искоренение русского в сферах государственно-образовательной жизни является для дорвавших до власти путчистов тотальной задачей. Не говоря уже об откровенно расистской идеологии “Правого сектора” и его составляющих. Одна из структур внутри “Правого сектора” называется весьма откровенно: “Белый молот”. Причём евроинтеграция политическими силами, образовавшими правительство Яценюка, трактуется и массово пропагандируется именно как сакральный акт, бегство в цивилизованную Европу, к особенным, полноценным “европейским” ценностям от “варварско-азиатской”, неполноценной московской орды. Есть некая высшая ирония в том, что само слово “майдан” имеет азиатское происхождение и вошло в украинский язык, скорее всего, от оставившей заметный след в украинской культуре татаро-монгольской орды”.

— И вот ещё что пишут умные люди: “Крайне националистическая позиция раскольнического “киевского патриархата” и униатской “украинской греко-католической церкви” являются религиозной основой майдана и политики захвативших власть украинских путчистов. УГКЦ имеет и вполне насыщенное бандеровско-нацистское прошлое. Религиозно-идеологическая роль “киевского патриархата” Филарета Денисенко в системе координат новой псевдовласти совпадает с тем местом, которое отводилось вождями Третьего рейха в жизни Германии нацистской “Немецкой Евангелической церкви” Людвиг Мюллера. И точно так же, как нацисты ставили своей целью

создание единой национальной лютеранской Церкви рейха, современные украинские неонацисты одним из важнейших пунктов программы построения украинского Рейха считают создание единой национальной “поместной” украинской церкви, к которой должно присоединиться никак не состоявшееся “свидомым” православное большинство. Правда, наблюдаем мы и отличие от фашистской религиозной политики, причина которого, очевидно, кроется в комсомольско-партийном прошлом многих нынешних украинских борцов за построение государства единой нации. Речь идёт о том, что стоящую поперёк планов хунты УПЦ Московского Патриархата, объединяющую подавляющее большинство православных Украины, стремятся не по-немецки загнать сразу на нелегальное положение “исповедующей церкви”, а внутренне сломать по советской методике 20-х — 30-х годов прошлого столетия, заставив её провозгласить противную совести неправду. Ну, а затем, разумеется, и в фашистском, и в большевистском сценарии роль несогласной Церкви одинаково печальна — либо ассимиляция, либо уничтожение”.

Влад, наконец, заметил, что я почти не слышу его слов. Я смотрел на зияющий дырой купол храма Александра Невского. Эту церковь неподалёку от наших домов построили совсем недавно. Золочёные маковки храма сияли в утренних лучах, но чёрная дыра словно хохотала, исполняясь бесовской радостью, протистостью Божьему Свету. Вчера я этой раны не заметил. Это ли не символ всего происходящего на нашей земле?

— Да, в церковь попал снаряд. И кто всё это будет восстанавливать?

— Восстановить-то восстановим, Влад. А вот кто будет зашивать дыры в душе человеческой? А где сейчас Сергей Петрович Головкин, в городе?

— Ты что, не знаешь? Помер, сердешный, земля ему пухом. Дневал и ночевал на шахте всё это время, когда каратели били по городу. В копёр шахты больше десятка снарядов попало, подстанцию разбили, контора практически полностью сгорела, а Петрович всё ходил на работу, переживал за шахту-кормилицу. Затопило нашу красавицу, каюк шахте... И кто это всё будет восстанавливать... А тут ещё сыночек Васька — фашист... Не выдержало сердце. Пришёл Петрович с работы, лёг и помер. Ты же знаешь, что только этой весной они вместе со Светланой Герасимовной переехали в новый собственный дом.

— Да, я помню, как радовался Сергей Петрович своей усадьбе, мечтал виноград развести, сад высадил, хозяин был, царство ему небесное...

— А хоронили-то как его! Под бомбежкой, в конце августа это было. Лютовали фашисты, видать, и Васька снаряды пулял по Луганску, какое родительское сердце выдержит? Гробовщики и ополченцы приехали — это потом Светлана Герасимовна рассказывала — и говорят, мол, прикопайте хозяина в огороде, потом перезахороните, но Светлана настояла, чтобы по-человечески похоронили, денег гробовщикам отвалила. И похоронили Петровича на старом кладбище. На новое ополченцы их не пустили — там страшные бои были, с танками и артиллерией.

— Не укладывается всё это в голове, Влад.

— А у кого оно укладывается? Светлана Герасимовна в те дни перебралась к нам в подвал, здесь безопаснее было, здесь и помянули Петровича при свечах. Вот так-то, дружище!

А с чего всё начиналось? Вспомни. Первым законом новой украинской “власти” стала отмена закона о региональных языках, гарантировавшего, пусть и во многом декларативно, элементарные права русскоязычного большинства на местном уровне. Да, этот пастор-президент Турчинов не подписал тогда отмену закона, но не потому, что возмутился фашистским характером этого действия, а потому, что, мол, отмена “несвоевременна”. То есть надо выдержать лицемерную паузу, все зачистить, а потом ударить всей фашистской мощью по русским. Я вот, литовец по своим корням, но весь этот фашизм не терплю, до мозга костей ненавижу! Понимаю, что именно русскому народу киевской хунтой уготована роль изгой на родной земле.

— Это понятно, Влад, я знаю, кто готовил новый закон о языках — комиссия Верховной Рады под председательством оголтелого русофоба и неонациста Яворивского при участии фашистки Ирины Фарин. Авторы ново-

го закона хотели даже учредить “языковую полицию”, но пока, чтобы не будоражить европейскую общественность, “милостиво” решили ограничиться вымарыванием любого упоминания в этом законе языка русского, являющегося основным языком общения на Украине. Вспомни, что среди первых “робких” шагов хунты был запрет российских телеканалов и молчаливое одобрение уничтожения по всей стране памятников уже не только советским, но и выдающимся русским деятелям.

— Как не помнить! Чего это я и бегаю по двору с ноутбуком? Не берет в доме интернет! А украинские каналы смотреть по телеку тошно: переворачивают все с ног на голову, мы для них все здесь террористы, сепаратисты и бандиты!

— Это так и есть, Владик! Ты давно на себя в зеркало смотрел? Ты и впрямь настоящий бандит с большой дороги, — я улынулся и обнял соседа. Влад, поглаживая седую бороду, лукаво прищурился и сказал:

— Я дал себе зарок: не брить бороды, пока всё это бесовство не закончится.

— Ладно, ладно, шучу я. Вот ты литовец, Влад, а говоришь по-русски. Меньше ли ты стал от этого литовцем?

— Я так скажу: мы все, когда жили в Советском Союзе, были больше литовцами, украинцами, грузинами, чем сейчас. Полмира говорит на английском, так что же, все они англичане или американцы? А теперь что, нас специально загоняют в хуторское болото? Великий русский язык был и остаётся универсальным языком межнационального общения более чем для сотни национальностей и народностей огромного пространства под названием Русский Мир! Да и за его пределами... Недавно в городе Счастье убили донского казака. Убили лишь за то, что нашли в его квартире казачью форму и гергиевские ленточки, а он никаким боком к ополчению не был причастен, под обстрелами ходил на работу на Луганскую теплоэлектростанцию, давал свет всем нам. Вот тебе и ещё один результат майдана...

— Я думаю, Влад, киевской хунте аукнется создание нацгвардии. Кто сейчас в этой гвардии? Прежде всего, боевики “Правого сектора”, вроде Васьки-фашиста, “Самооборона майдана”, но большинство-то в этой гвардии — нормальные, только зомбированные пропагандой угрозы российской агрессии молодые украинцы, которые не хотят умирать, не слишком понимающая, за что. И они со временем могут прозреть и повернуть, как говорится, штыки на Киев.

— Это так, но пока они прозреют, будет уже поздно, нас всех здесь сравнивают с землей, поэтому нужно давать им чаще под зад мешалкой, чтобы ума прибавилось. Ты куда собрался?

— Хочу на шахту проехать, посмотреть, что там и как.

— Чего на неё, расстрелянную, смотреть, сердце рвать... Ну, давай, поезжай, соседушка, а я пойду за гуманитаркой. Пенсию четвёртый месяц не дают, спасибо России — не даёт с голоду помереть!..

Мы расстались с Владом, и я поехал по ожившему с утренним светом городу. Везде были видны следы недавних обстрелов, по тротуарам понуро брели прохожие, спешили справить свои дела до наступления темноты. Оборванные провода и троллеи удавками свисали со столбов. Подъезжая на маршрутке к шахтёрскому посёлку, я ужаснулся тем разрушениям, что предстали перед моими глазами. Впереди виднелся разбитый снарядами копей шахты. Маршрутка остановилась в центре посёлка, пассажиры благодарили водителя за поездку, я протянул ему три гривны, он удивлённо посмотрел на меня:

— Оставьте себе на хлеб.

И только тут я понял, что общественный транспорт в городе бесплатный.

— Спасибо, уважаемый, а до шахты вы не едете?

Водитель с ещё большим удивлением посмотрел на меня в зеркало, я снова поблагодарил его и вышел на исковерканный разрывом мины тротуар. Потом мне рассказали, что именно здесь нашли свою смерть двенадцать человек: женщин, стариков и детей, почти столько же были искалечены осколками при разрыве фашистского снаряда.

Дорога перед шахтой была перекрыта бетонным заграждением, у которого стояли вооружённые ополченцы. Меня остановили и объяснили, что проход к предприятию закрыт.

— Здесь ни конные, ни пешие не ходят, вокруг десятки неразорвавшихся мин и снарядов. Если надо в контору, приходите к семи часам утра, здесь собираются работники шахты, и мы организовано всех проводим, а к двенадцати часам — обратно, — объяснил мне нынешние порядки ополченец. К нам подошёл старший блокпоста и спросил:

— Кто такой?

Я показал удостоверение редактора шахтёрской газеты, ополченец внимательно рассмотрел документ и, по всей видимости, узнал меня.

Это был бригадир проходческой бригады Виталий Прохорук, орденоносец. Я помню, как на его кителе в День шахтёра всегда сияли с десятков не только советских, но и украинских наград, которые заслуженно были даны ему государством за доблестный труд. А теперь передо мной стоял ополченец с суровым лицом, с позывным “Бугор”, и на его камуфляже висел Георгиевский крест. Мы разговорились. Виталий рассказал о последних шахтёрских новостях, о том, как методично нацисты уничтожали наше предприятие, о погибших друзьях. И главное, что все, кто здесь стоит, никогда не уйдут со своих позиций, не сдадутся. И какие бы силы ни бросали украинские фашисты на эту горстку ополченцев, у каждого из них есть полная уверенность в том, что они выстоят несмотря на то, что смерть почти каждый день вырывает из их рядов лучших сынов Донбасса, но дух их никогда не сломить нацистскими грязными руками.

Ничто не может остановить их душевный порыв жить и трудиться на этой земле так, как они хотят, говорить на том языке, на котором они хотят, а не исполнять то, что навязывает, насаждает огнём артиллерии киевская хунта.

Виталий мне показал фотографии на телефоне — результаты недавнего боя под Счастьем. Потом он достал атрибутику “Правого сектора” и документы погибших карателей из батальона “Айдар”, среди них я увидел удостоверение Василия Головки. Я долго всматривался в лицо Василия. С фотографии на удостоверении на меня смотрел обычный молодой человек с приятной улыбкой, со светлыми голубыми глазами.

— Это сын нашего инженера Сергея Петровича Головки, — сказал Виталий и добавил: — Зверюга, каких свет не видел.

— Он погиб?

— Туда ему и дорога, фашисту!

— А мы с соседом только сегодня говорили о трагедии семьи Головки...

— Да, то, что трагедия — это точно! Хорошо, что Петрович не видел всего этого... Мы сообщили матери, хотели передать тело, но Светлана Герасимовна наотрез отказалась хоронить его, всё шептала какие-то молитвы и говорила, что это не её сын, что для неё сын умер давно... Короче, жутко! Пришлось схоронить в безымянной могиле в донецкой степи...

От этих слов ополченца у меня по спине пробежал холодок. До чего же ожесточились люди! И где предел этому ожесточению? Для них, как и для тех, кто воюет с украинской стороны, такие вещи стали обыденными. Это была последняя грань человеческого безрассудства и злости, за этой чертой — только мрак и пустота! Как остановить братоубийственную бойню? Великий Божий Суд ждёт всех тех, кто причастен к развязыванию этой войны!

Виталий, видя моё смятение, как бы оправдываясь, сказал:

— Если бы ты видел, что они творили с нашими пленными казаками...

Я ехал обратно с шахты домой и всё время думал, что тех душевных потрясений, которые произошли за последние сутки, хватило бы на целую жизнь. И все мы ещё до конца не осознаём, что произошло с нашим миром, на пороге каких величайших событий стоит человечество...

Вечная война добра и зла вошла в новую фазу, а мы всё возмемся в своих мирских проблемках, живём иллюзиями материального земного мирка, копошимся в тленной глине...

Я не заметил, погружившись в размышления, как снова очутился во дворе своего дома. На лавочке у столика по-прежнему сидел Влад, рядом стояли два больших пакета с консервными банками тушёнки и рыбы, пачками макарон, гречки, муки, сахара и чая.

— Получил гуманитарку, — удовлетворённо молвил Влад.

Я молча присел рядом. Сосед рассказывал о своих сегодняшних житейских приключениях, а потом, видя, что я его почти не слушаю, сказал:

— Ладно, соседушка, пойду, а то моя старушка заждалась, видать. — Влад погладил свою шикарную седую бороду и, подхватив пакеты, тихонько пошёл к подъезду.

Простреленный купол храма Святого Александра Невского сиял в закатных лучах солнца. В чёрной дыре раны мне почудилось какое-то странное движение. Мне показалось, что эта дыра стала проводником в необъятное пространство, где встретились души отца и сына и продолжают прерванный войной разговор. И в какие небесные врата войдут они, судить одному Богу, и, наверное, на том Страшном Суде будут и души деда и прадеда Головки, которые сражались с коричневой чумой фашизма во время Второй мировой войны, и... Я испугался той бездонной глубины, где, освободившись от глины повседневности, бродил Вечный Дух, и перекрестился: “Господи, прости мою душу грешную!”